

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИЛИ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ВНЕ ЭКОНОМИКИ

БОЧАРОВ Андрей Борисович, к.филос.н.¹

ГОРОХОВАТСКИЙ Леонид Юрьевич, к.психол.н.²

ЛОБАНОВА Ирина Анатольевна, к.э.н.³

¹Доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин

АНО ВО «Международный банковский институт»;

Доцент кафедры философии и культурологии Северо-Западного
института управления – филиала

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»;

²Заведующий кафедрой социальных и гуманитарных дисциплин

АНО ВО «Международный банковский институт»;

Заместитель директора Института финансовых кибертехнологий
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет информационных
технологий, механики и оптики»;

³Доцент кафедры мировой экономики и менеджмента

АНО ВО «Международный банковский институт»;

Заместитель директора Института финансовых кибертехнологий
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет информационных
технологий, механики и оптики»

Адрес для корреспонденции: 191023, Санкт-Петербург, Россия,
Невский проспект, 60.

Т.: +7 (962) 680-99-01. E-mail: leongor_us@yahoo.com

Аннотация

В статье идет речь о соотношении рационального и иррационального в современном экономическом дискурсе. Поднимается проблема о том, что классические представления об «экономическом человеке», движимом стремлением к богатству и преуспеванию и олицетворяющему собой классические представления о рациональности, – устарели. Они не отвечают ни реальности, ни той модели рациональности, которая культивируется и господствует сегодня. Думающий и живущий нерационально неспособен к адекватному восприятию той рациональности, которую транслируют учебники. Ревизии подлежат либо учебники, либо необходим апдейт нашей рациональности.

Ключевые слова

Экономика, рациональность, иррациональность, дискурс, когнитивистика, ограниченная рациональность, эпистемология, аксиология, метод, экономический агент.

ECONOMIC IRRATIONALITY OR RATIONALITY OUTSIDE THE ECONOMY

BOCHAROV Andrew B., PhD Philosophical sciences¹

GOROKHOVATSKIY Leonid Yu., PhD Psychological sciences²

LOBANOVA Irina A., PhD Economical sciences³

¹ Associate professor of the Department for Humanities & Social Sciences,
International Banking Institute;

Associate professor of the Department of Philosophy & Cultural studies,
North-West Institute of RANEPА;

² Head of Department for Humanities & Social Sciences,
International Banking Institute;

Deputy Director of ITMO.Fintech, ITMO-University;

³ Associate professor of the Department for World Economy & Management,
International Banking Institute;

Deputy Director of ITMO.Fintech, ITMO-University

Address for correspondence:

191011, St.-Petersburg, Russia, Nevsky pr., 60.

Phone: +7 (962) 680-99-01. E-mail: leongor_us@yahoo.com

Abstract

The article deals with the relationship between the rational and irrational in modern economic discourse. The problem is raised that classical ideas about the «economic man», driven by the desire for wealth and prosperity and personifying classical ideas about rationality, are outdated. They correspond neither to reality, nor to the model of rationality that is cultivated and dominates today. The thinking and living person is irrationally incapable of adequate perception of the rationality that is found in textbooks. Either textbooks should be revised, or an update of our rationality is necessary.

Keywords

Economics, Rationality, Irrationality, Discourse, Cognitive Studies, Restricted Rationality, Epistemology, Axiology, Method, Economic Agent

*Реальность всегда больше
любых представлений о ней
(из заметок на полях)*

Предварительные замечания. В настоящей статье использованы, во-первых, *не свойственный дискурсу науки экономики научный язык* и, во-вторых, *иной парадигматический подход* – проблемы экономики как науки рассматриваются «извне», не с позиции *частнонаучной* методологии экономики, а с позиций *общей методологии научного познания*.

Описываемые ниже умозаключения были осуществлены нами в связи с желанием осмыслить некоторые фундаментальные положения, связанные с экономикой как наукой, и рядом особенностей экономического познания.

Авторы осознают, что статья, возможно, не свободна от когнитивных искажений... Однако, по нашему глубокому убеждению, такую особенность статьи можно поставить не в упрек, а, возможно, и в заслугу, поскольку менее интроспективное наблюдение за феноменом, проводимое сторонним наблюдателем, может иногда привести к получению интересных научных результатов.

Методологический подход, принятый авторами в данной работе, описывается «формулой» Г.К. Честертона [3], который предлагал как минимум выглянуть из дома с тем, чтобы увидеть его. Весьма вероятно, что подобное изменение «оптики анализа» даст возможность профессиональным экономистам увидеть объект, предмет и методы экономики с иной перспективы, а значит сформулировать *другие, нетривиальные, выводы*.

Исходные тезисы. 1) Существует разрыв (гносеологический, эпистемологический, онтологический) между наукой экономикой, точнее, ее претензией на рациональное, т.е. объективное, всестороннее описание (отражение) реальности, и возможностью эту претензию воплотить.

2) Этот тезис призван раскрыть содержание заголовка настоящей статьи, подтвердить его эпистемологическую легитимность, а именно показать то, что рациональность науки, в частности экономики, есть миф, поскольку наука сама во многом иррациональна. Последнее обстоятельство создает проблему, как совместить иррациональность инструмента постижения с рациональностью получаемого результата.

Исследовательская гипотеза. Несмотря на все усилия экономики как науки, разрыв между ее претензией на рациональность и реальностью продолжает *расти и углубляться*, поскольку объяснительный потенциал науки «истончается» как под давлением иррационализма, проникающего в саму экономику, так и иррационализма, неизбежно присущего самой реальности.

Предполагаемый результат исследования. Выводы, к которым приходят авторы на примере совмещения отличных друг от друга языков описания (экономики и философии), дискурсивных практик, методологии, онтологии и аксиологии могут быть использованы в качестве своеобразного *modus vivendi* между экономикой и реальностью, между иррациональным и рациональным.

В то же время все нижеописанное следует рассматривать как *декларацию о намерениях*, включая главное – приглашение к разговору на содержательной и взаимнообогащающей междисциплинарной основе.

Основные препозиции. Как отмечал Б. Шоу, экономика представляет собой не что иное, как умение пользоваться жизнью наилучшим образом. В этом заявлении, при всей его парадоксальности (принимая во внимание то, что оно принадлежит мастеру интеллектуальных парадоксов), заложен глубокий и серьезный смысл. Так, один из самых «энциклопедических умов Античности» – Аристотель – выводил экономику из правильного и рачительного ведения домашнего хозяйства [1]. Экономика (буквально от греч. «*okos*» – «дом»), как от печки, начинается с дома. То есть экономика, во-первых, изначально была ориентирована на искусство как на некое умение, навык. А искусство, как известно, неизбежно иррационально. Во-вторых, дом есть квинтэссенция жизни, а жизнь рационализировать до конца невозможно.

Сегодня экономика, как никогда раньше, удалена от дома, собственно, от жизни: рациональное и иррациональное по-прежнему противостоят друг другу. Весь корпус экономических дисциплин представляет собой единый и монолитный научный нарратив, служащий для манифестации рационального. Этот нарратив объективен, ибо надсубъективен. Экономика давно стала научной дисциплиной, инкорпорируя в свое содержание методологию и научные стандарты рациональности. Не представляется возможным (во всяком случае – авторам настоящего текста) объяснить таинство жизни в терминах экономики, как невозможно рассчитывать на создание «экономики жизни». И хотя один из «отцов-основателей» экономики как самостоятельной дисциплины Адам Смит и писал, к примеру, не только серьезные экономические труды, но и успешно подвизался на философском поприще, пути рациональной экономической мысли и иррациональной жизни разошлись. Однако тонкость состоит в том, что, выступая в качестве оплота рационализма, как сама наука вообще, так и экономика в частности проникались духом иррационализма.

Так, теория «рациональных ожиданий», долгое время считавшаяся непоколебимой в своей бесспорности, сегодня уступила место «теории перспектив», разработанной Д. Канеманом и А. Тверски. Результаты исследований, проведенных Канеманом и Тверски просто обескураживают, поскольку демонстрируют, что у так называемого среднего (нормального) человека ощущения от потерь и приобретений несимметричны. Удовольствие от приобретений будет гораздо меньше от горечи утраты, даже если по сумме они эквивалентны. Поэтому стремление к методологической чистоте, к объективной и предметной «незамутненности» можно смело направить в архив.

В прошлом веке один из самых глубоких французских интеллектуалов М. Фуко убедительно показал: наука – это прежде всего власть, и как всякая власть она стремится к господству, преследуя одну цель – подчинение. Специфика этого подчинения проявляется в том, что оно субстанционально *не* власть субъекта над субъектом. Это *не* власть принуждения. Это власть образования/обучения. Последнее «разлито» между субъектами и социальными институтами, когда экономическое образование на всех своих уровнях приобщает, т.е. привязывает всех его получающих к стандартам научной рациональности. Известный исследователь С. Каммингс в работе «Реконструкция стратегии», посвященной деконструкции истории менеджмента, отмечает: «Фуко говорит о власти, которая поддерживает знание, и эта власть носит более тонкий характер. Эта власть представляет сложную сеть связей, существующих между разными объектами; эта сеть генерирует и затем усиливает определенную точку зрения, повторяя и воспроизводя ее с тех пор, пока она не станет прекоцепцией» [8]. Отсюда, между прочим, стремление экономики шире всего экономического дискурса осуществить «привязку» своих представлений к научным, поскольку именно наука через концепт/ы «истина–ложь» смогла навязать, т.е. осуществить господство своего нарратива. Причем экспансия научной рациональности, т.е. рационализации всего, что оказывалось в орбите научного знания, с течением времени приобретала все более и более тотальный характер.

Проиллюстрируем это. В XX веке это, в первую очередь, относится, например, к менеджменту, который агрессивно и активно преподносит себя как дисциплина исключительно научная, исключительно *рациональная*. Уже упомянутый нами С. Каммингс ставит под сомнение, подвергает критическому анализу «официальную историю» менеджмента, историю, которая вводит его в ранг научных дисциплин. В логике этого мифа декларируется и культивируется: эффективными управленцами не рождаются, а становятся. Отсюда открываются факультеты и пишутся учебники, читаются курсы лекций, которые в реальности заняты только одним – насаждением мифа/ов о менеджменте. Однако любой миф, даже миф, взятый на вооружение наукой, остается мифом.

В этой связи, как утверждает С. Каммингс, «Мифы одномерны: они основаны на ограниченном наборе монокультурных практик» [4]. То есть миф – «одномерная логика» [там же]. Этот тезис можно усилить: наука, требуя поклонения истине и служения научной рациональности, выполняет сегодня роль *религии* и насаждает свою мифологию. Так, один из самых знаменитых научных мифов – миф о яблоке, которое упало на голову

Ньютона, – есть парафраз мифа о древе познания. Во всяком случае, как считает Ю.Н. Харари, «Если теистические религии – порождение аграрной революции, то детища научной революции – гуманистические религии, в которых богов заменили люди» [5]. Именно так, в вулсторпском саду Ньютону принадлежит роль и человека, и Змея, и... Бога. Из чего можно сделать вывод, что научная мифология проще, а вероятно, и беднее, чем религиозная. Но главное не в этом, а в том, что мифология не исчезает, а лишь претерпевает изменение: библейский миф о райском саде и вкушении яблока был замещен на научный миф о яблоке, упавшем на голову Ньютона. То есть наука сама имеет дело с мифологией, пусть перевернутой, несколько выхолощенной, но мифологией.

Далее. Организационной психологии, а равно экономической психологии (Э. Кирхлер, Е. Хофаман и др.) хорошо известно, что пресловутая рациональность «человека экономического» – миф века прошлого, рациональность «человека социального» и «человека самоактуализирующегося» – миф века нынешнего [9].

В продолжение сказанного: стала общим местом точка зрения о том, что ограничения при принятии решений существуют всегда. Один из гуру современной экономики и менеджмента Г. Саймон полагал, что реальные экономические субъекты/агенты являются *ограниченно рациональными*. В условиях дефицита ресурсов (универсальных, прежде всего), к коим относят: деньги, время, информацию – экономический агент будет поступать по шаблону, по стереотипу. Шаблоны/примеры и готовые образцы/паттерны поведения являют в сознании людей лучшие, т.е. оптимальные средства экономии ресурсов в границах имеющейся проблемы или поставленной задачи. Тонкость здесь в том, что они являются лучшими применительно ко вчерашней, уже преодоленной, проблеме и вчерашней, уже разрешенной, задаче. Можно было бы говорить о том, что в жизни людей наличествует некоторый достаточно стандартный репертуар проблем, для решения которых применяется стандартный репертуар решений, однако произвольность человека, как актора действительности, столь велика, что идентичность одной проблемы другой – исключается, и проблема всегда сочетает с собой уникальный набор симптомов и взаимосвязей [4].

Один из столпов современной когнитивистики, психолог и лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Канеман [6] убедительно раскрыл механизм двух различных видов когнитивных процессов: *процессов быстрого* и *медленного типа*. Последнее напрямую связано с тем, что иррациональность лежит в самых глубинах нашей ментальности и носит непосредственный ха-

ракти, а рациональность – опосредованный. То есть рациональность научного знания оказывается под вопросом, поскольку сам субъект науки предстает носителем иррационализма. На этом моменте стоит остановиться более подробно, поскольку результаты исследований Д. Канемана носят революционный характер.

В наших предыдущих публикациях [2 и др.] проведен анализ работ Д. Канемана, который показал, что человек часто не способен адекватно анализировать нетривиальные жизненные ситуации, особенно когда их последствия не определены. Актер/субъект руководствуется, как правило, эвристическими драйверами или, условно, «здоровым смыслом».

В своей классической работе «Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk» [10] Канеман (вместе со своим другом и соавтором А. Тверски) экспериментально показал, что в ситуации неопределенности человек преимущественно (в разных экспериментах число таких испытуемых варьировалось от 60 до 80%) использует приблизительные, *несформулированные правила, систематически противоречащие основным положениям теории вероятности*, т.е. ,другими словами, исходит из гипотез о природе действительности, полностью противоречащих реальному положению вещей.

Кроме того, индивиды гораздо более чувствительны к *степени отклонения* результата от «точки отсчета», чем к *самому* результату. Если индивиды сталкиваются с серией рискованных решений, они обосновывают каждое решение, изолированно оценивая его выгоды и потери, а не общие последствия всех решений. Кроме того, люди более чувствительны к потерям, чем к выгодам. Таким образом, практика показывает, что в условиях неопределенности не только вынесение суждения, но и принятие решения не вписываются в рамки рациональной теории, имеющей в своей основе вероятностный подход.

Из сказанного становится ясно, в силу каких факторов люди совершают нерациональные поступки и принимают ошибочные решения. В терминологии Д. Канемана и соавторов это называется «медленной» и «быстрой» системами мышления. Медленное мышление активизируется тогда, когда человек решает задачу (например, выбирает товар в магазине). Обычно покупателю кажется, что он уверенно держит этот процесс под контролем. В действительности же в «фоновом режиме» постоянно работает «быстрое» мышление – автоматическое, сиюминутное. Столкнувшись с любой задачей – от выбора хода в шахматах до принятия решения об инвестировании средств – включается механизм интуитивного (быстрого) мышления. Если у человека есть *подходящие знания*, то интуиция распознает ситуацию, интуитивное ре-

шение, приходящее в голову, вероятнее всего, оказывается верным. Когда вопрос неоднозначный, трудный, *т.е. подходящих знаний у субъекта нет*, благодаря интуиции ответ все равно может быстро прийти в голову, но это, скорее всего, будет *не самый адекватный ситуации ответ*. И в том, и в другом случае мыслительный акт иррационален, однако в «простой» ситуации иррациональное решение оказалось приемлемым, а в более «сложной» ситуации – уже неподходящим.

По Канеману, все ментальные процессы, происходящие у нас, условно можно поделить на процессы быстрого типа и процессы медленного. Процессы быстрого типа отличаются от процессов медленного типа главным образом тем, что они протекают динамично, могут работать автономно и параллельно. Главное: к знанию, которое обеспечивается этими процессами, открыт доступ без сознательного намерения и без дополнительных усилий. Процессы альтернативного типа протекают медленно, труднозатратно, и они сводятся к последовательной и сознательной обработке данных. То есть они основаны на правилах языка и алгоритмах мышления. Именно они операционально отвечают за «сознательное решение задач». Образно говоря, процессы первого типа – условное *бессознательное* нашего мышления, а процессы второго типа – условное *сознательное* нашего мышления.

Бэкграунд первых – скорость, вторых – точность. И вот какой вывод делает отсюда Канеман: большинство людей «ставит» на скорость и игнорирует точность. У этих людей сознательное мышление включается только тогда, когда событие уже произошло. Наша рациональность служит оправданию нашей нерациональности, или иррациональности. Именно поэтому Канеман пишет книгу, ставшую культовой и знаковой одновременно, «Думай медленно. Решай быстро» [7]. В ней речь идет о смене приоритетов, ломке шаблонов и ревизии привычных стереотипов. Иррациональность отныне не рассматривается как контрпродуктивный элемент деятельности любого экономического субъекта, а, напротив, воспринимается как элемент структурообразующий.

Иными словами, человек иррационален, и рациональность в его действиях – это идеал.

Разделяя как идеи, так и пафос этого произведения, предлагаем взглянуть на проблему под иным углом зрения. Что если конфликт между процессами первого и второго типа, между наукой и ее мифологией – конфликт не методологический, не культурно-исторический, а онтологический? Конфликт, который имманентен как реальности знания, так и реальности вообще? Поразмышляем на предмет возможной неадекватности/рассогласования

между тем, что мы знаем (теория), и тем, что есть (реальность), в соприкосновение с которой мы еще не вступили.

Итак, какой смысл в теориях, если они не описывают реальность, и какой смысл в примерах, если ими невозможно воспользоваться. Чем больше все мы знаем, как нам нужно действовать, чтобы стать успешными, чем нас лучше учат этому, *тем меньше у нас шансов на успех*. Если всех учат по одним лекалам, если всем читают одни и те же лекции по одному и тому же материалу, то никто не сможет обойти конкурентов – мы будем обладать усредненным уровнем компетентности (возможно, именно тем, который нужен для массового производства), так как будем делать то же самое, что и другие (в том числе – и ошибки). Выдающаяся производительность же характеризуется тем, что *успех эксклюзивен*.

Следовательно, необходимо то, чего нет ни в каких учебниках, чему невозможно научить и что не смогут узнать конкуренты. Зачем нужна теория успеха, которую могут узнать все? Ваш успех – это то, что они не знали и чему их не научили. Однако, воплотившись на практике, он будет растиражирован по учебникам и лишится своей эксклюзивности. *Успех вопреки, но не по правилам*.

Иными словами, учебник, а равно курс, осененный авторитетом успеха автора и пропагандирующий алгоритм успеха других, применительно к вам явит неуспех и крах всех ваших начинаний, обернется апофеозом иррационального. Если поднять уровень абстрагирования, то мы сталкиваемся даже не с парадоксом, а с апорией: *экономическое знание, не приводящее к успеху, лишено смысла, но знание, приводящее к успеху, ставшее достоянием большинства, теряет свою значимость*.

Формально выражаясь: чем большей информацией мы обладаем, чем лучше понимаем что-либо, тем быстрее это *что-то* изменяется, тем с большей вероятностью наше знание... обесценивается. Получается, что мой сегодняшний успех не повторяет, а опровергает рациональные теоретические выкладки вчерашнего дня. Дабы не быть голословными, сделаем отсылку к уже упоминавшемуся Ю.Н. Харари [6], который приводит пример теоретических прогнозов К. Маркса, пророчившего скорое загнивание капитализма вкупе с обнищанием (пауперизацией) пролетариата. С закономерным финалом в виде социалистической революции. Но «Капитал», как оказалось, смогли прочесть не только рабочие и революционеры, мечтающие о мировой революции, но и другие, в том числе и самые «продвинутые» из капиталистов, обеспокоенные сохранением своих состояний.

Результат: построение «социального государства» с его капиталистическим производством и социалистическим распределением.

Применительно к проблеме, рассматриваемой нами, это означает: знание, в данном случае экономическое и социальное, призванное к описанию/отражению действительности, привело к ускоренному изменению/трансформации самой действительности, к которому наука оказалась не готова.

Несколько результирующих тезисов. Когда знания было мало, меньшим был эффект от его действия на реальность. В этом случае знание «поспевало» за описанием реальности. Сейчас знания много, и оно растет в геометрической прогрессии, но следствием этого становится все ускоряющееся изменение самой реальности.

- Традиционное знание (включая экономическое) теперь не описывает реальность, оно утратило свою дескриптивную функцию; оно также и не в состоянии ничего предписать реальности с утратой своей нормативной функции; оно всего лишь *провоцирует реальность на те изменения, которые не в силах предсказать.*

- На рост знаний о реальности та отвечает скоростью изменений, которые это знание обесценивают.

Заключение. Таким образом, все вышеизложенное дает основания о формулировке гипотезы о том, что, несмотря на все усилия по наращиванию научного потенциала экономики, включая прогностический, разрыв между ней и объективной действительностью продолжает *расти и углубляется.*

Что в этой ситуации мы можем сделать, какие можем выработать стратегии в отношении ближайшего будущего?

С нашей точки зрения, бессмысленно и контрпродуктивно противопоставлять рациональность науки и иррациональность всего остального, тем более что применительно к науке это, как оказалось, миф. Стремление всего корпуса экономических дисциплин строить свою предметную и методологическую базу на стандартах науки может выглядеть в современных условиях иррациональным. Необходим *modus vivendi* между рациональным и иррациональным, нужна более широкая методологическая база, необходимы дополнительные языки описания, которые бы не исключали, а вбирали описание и понимание ...*другого*. Другими словами, скорость изменения и трансформации всего экономического знания должна опережать скорость изменений самой реальности.

Сложность ситуации в том, что любые представления о реальности не могут превзойти самой реальности. Это означает: любые прогнозы, вплоть до

самых пессимистических (включая этот), скорее всего, не оправдаются. На этом и закончим.

Список источников

1. **Аристотель.** Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, 1976.
2. **Гороховатский Л.Ю., Иванова Ю.А.** Экономические трудности обывателя и некоторые возможности их минимизации средствами практической психологии // Новая наука: гипотезы, взгляды и факты. – Казань: ИП Кузьмин, 2017.
3. **Честертон Г.К.** Писатель в газете. – М.: Прогресс, 1984.
4. **Каммигнс С.** Реконструкция стратегии. – Харьков: Изд. Гуманитарный Центр, 2010.
5. **Харари Ю.Н.** Homo deus. Краткая история будущего. – М.: Синдбад, 2018.
6. **Харари Ю.Н.** Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2016.
7. **Канеман Д.** Думай медленно. Решай быстро. – М.: АСТ, 2013.
8. **Фуко М.** Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006.
9. Психологические теории организации / Под ред. П.К. Власова. – Харьков: Изд. Гуманитарный Центр, 2005.
10. **Kahneman D., Tversky A.** Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. – Vol. 47. – № 2 (Mar., 1979). – Pp. 263–292.

References

1. **Aristotel'.** Sochineniya v chetyrekh tomah. – M.: Mysl', 1976.
2. **Gorohovatskij L.YU., Ivanova YU.A.** Ekonomicheskie trudnosti obyvatel'ya i nekotorye vozmozhnosti ih minimizacii sredstvami prakticheskoy psihologii // *Novaya nauka: gipotezy, vzglyady i fakty*. – Kazan': IP Kuz'min, 2017.
3. **Chesterton G.K.** Pisatel' v gazete. – M.: Progress, 1984.
4. **Kammigns S.** Rekonstrukciya strategii. – H.: Izd. Gumanitarnyj Centr, 2010.
5. **Harari YU.N.** Homo deus. Kratkaya istoriya budushchego. – M.: Sindbad, 2018.
6. **Harari YU.N.** Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva. – M.: Sindbad, 2016.
7. **Kaneman D.** Dumaj medlenno. Reshaj bystro. – M.: AST, 2013.
8. **Fuko M.** Intellektualy i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. – M.: Praksis, 2006.
9. *Psihologicheskie teorii organizacii* / Pod red. Vlasova P.K. – H.: Izd. Gumanitarnyj Centr, 2005.
10. **Kahneman D., Tversky A.** Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. – Vol. 47. – № 2 (Mar., 1979). – Pp. 263–292.